

Цинь Цзычу и Чжан Ли одновременно осеклись на полуслове, не отрывая взглядов от господина Лунъяна.

Вслед за ними затих и весь отряд. На берегу реки теперь слышался лишь стук дождя по кожаному навесу повозки да рокошующий гул бурного течения Хуанхэ.

Губы господина Лунъяна искривились в холодной усмешке. Он натянул тетиву — лук согнулся полной луной, — а во взгляде застыла осязаемая, леденящая душу жажда крови.

— Тебе не кажется, что ты заслуживаешь смерти? — ледяным тоном процедил Лунъян-цзюнь, даже не пытаясь скрыть, как яростно он защищает своего правителя. — Ин Ижэнь, как ты посмел порочить имя государя!

Цинь Цзычу вымученно улыбнулся.

Он ума не мог приложить, как господин Лунъян, которого, казалось бы, удалось обвести вокруг пальца и спровадить, углядел подвох и повернул назад. Одно было ясно наверняка: умирать Цзычу пока не собирался.

— Сам я, разумеется, своей смерти не желаю, — сквозь силу выдавил Цинь Цзычу. Его губы одеревенели от страха, а в голосе проскользнула едва заметная дрожь.

Он впервые в жизни столкнулся с настоящей угрозой, и внутри у него все сжалось.

Солнце окончательно скрылось за горизонтом, и ливень хлынул с новой силой. Тяжелые черные тучи заволокли небо, а где-то вдаль глухо зарокотал гром. Вокруг воцарилась непроглядная тьма, но Цзычу каким-то чудом видел зловещий блеск наконечника стрелы, нацеленной ему прямо в переносицу.

Вдруг раздался громкий всплеск — лодочник прыгнул в воду и был таков!

Господин Лунъян презрительно усмехнулся:

— Последний заступник сбежал. И куда вы теперь денетесь?

Спина Цинь Цзычу взмокла от холодного пота, но он не смел даже пошевелиться.

В этот момент среди холмов раздался дробный, нестройный стук копыт, слившийся со сплошной стеной ливня в тревожный, зловещий гул. Лошади испуганно перебирали ногами и фыркали, мотая головами. Повозка ходила ходуном, жалобно поскрипывая на стыках, но возница, вжав голову в плечи, лишь дрожал в углу и не смел сделать ни шагу, чтобы усмирить животных. Напряжение сгустилось настолько, что каждый вдох давался с трудом.

— Скоро придет Синьюань Янь со своими людьми, они точно мне помешают, — тихо пробормотал господин Лунъян.

Его изящные пальцы разомкнулись, и стрела с губительной силой устремилась прямо в лоб Цинь Цычу.

Свист!

Оперенный снаряд с хищным воем рассек ночную тьму, словно ледяные пальцы смерти сомкнулись на горле Цычу.

Цинь Цычу, совершенно обделенный боевыми талантами, и книжник Чжан Ли застыли на месте — перед лицом летящей смерти оба оказались беспомощны. Цычу судорожно хватал ртом воздух. Он инстинктивно крепче прижал к себе мягкий сверток с младенцем, но, парализованный страхом перед господином Лунъяном, не мог даже отшатнуться.

Ин Чжэн готов был взвыть от глупости этого человека!

«Да сделай же ты хоть шаг в сторону! Расстояние приличное, а Лунъян искусен в фехтовании, но никак не в стрельбе!»

Увы, сейчас Ин Чжэн оставался лишь беспомощным младенцем. О прежней ловкости и быстроте не шло и речи — даже простое движение крошечными ручками и ножками давалось ему с огромным трудом. Но человек, в которого целился враг... принадлежал ему, Ин Чжэну!

Забыв обо всем на свете, младенец пустил в ход единственное доступное оружие и изо всех сил впился деснами в грудь Цинь Цычу.

— А-а! — вскрикнул Цычу от неожиданной боли и, напрочь забыв о летящей в него стреле, испуганно опустил взгляд на ребенка, проверяя, все ли с ним в порядке.

Он не успел даже осознать, насколько спасительным оказался этот случайный порыв — в то же мгновение его щеку обожгло острой болью. Выпущенная господином Лунъяном стрела прошла в волоске от его лица, оставив глубокий, рваный порез на щеке.

Наконечник с глухим треском вонзился в деревянную обшивку повозки. Оперение стрелы еще долго вибрировало, наполняя тесную повозку зловещим жужжанием. От страшного удара вся конструкция ощутимо накренилась. Лошади, почуяв витающую в воздухе жажду крови, испуганно подались вперед, но, упершись в борт паррома, замерли, не решаясь броситься в бурный поток.

По лицу Цинь Цычу поползла горячая, вязкая струйка, и в воздухе отчетливо запахло железом.

Только после этого оцепенение Чжан Ли наконец спало. С отчаянным криком он заслонил собой Цзычу:

— Господин! Господин, вы живы?! Сильно ранены?

Век непрекращающихся войн наложил свой отпечаток на Поднебесную: смерть и насилие стали привычной частью жизни для каждого жителя Семи царств. Царство Чжао еще не оправилось от сокрушительной Битвы при Чанпине, унесшей жизни почти всех дееспособных мужчин. Те немногие, кому удалось уцелеть, были либо калеками, либо законченными трусами. Для простых людей, едва сводивших концы с концами, понятие чести давно утратило всякий смысл перед лицом выживания.

Поняв, что господин Лунъян без раздумий пустит в ход стрелы, сопровождающие бросили повозку и, позабыв о страхе перед ледяной глубиной, один за другим попрыгали за борт вслед за лодчиком.

— Господин, что нам делать? — Чжан Ли охватила паника.

Паром удерживал у причала толстый канат. Как ни пытался несчастный книжник распутать хитрый узел, затянутый рукой опытного речника, веревка не поддавалась. Они оказались в ловушке посреди реки — без возможности сдвинуться с места или укрыться.

— Вздумали бежать? Сегодня вы здесь и ляжете! — Лунъян-цзюнь выхватил из колчана сразу две стрелы и, наложив их на тетиву, вновь нацелился на Цинь Цзычу.

Заслоняя собой господина, Чжан Ли закричал, задыхаясь от страха:

— Царство Цинь не замышляет зла против Царства Вэй! Почему ты так упорствуешь в желании погубить молодого господина Ижэня?!

Эти слова лишь подлили масла в огонь. Воспоминание о том, как ловко эти двое обвели его вокруг пальца, привело господина Лунъяна в ярость:

— У тебя еще хватает наглости спрашивать?! Какое дело Царства Вэй до вашей грызни с Царством Чжао? Назовитесь вы сразу своими именами, пальцем бы никто вас не тронул! Но вы предпочли юлить и паясничать, выставив наше посольство на посмешище! Если я не проучу вас прямо сейчас, вы, циньские выскочки, решите, что о Царстве Вэй можно безнаказанно вытирать ноги!

Прежде чем затихло последнее эхо его крика, пальцы лучника разжались.

Медлить было нельзя. Они с Чжан Ли застряли на палубе, точно крысы в мышеловке. Даже если верный слуга сумеет прикрыть его собой еще раз, без подмоги это лишь отсрочит

неизбежное и погубит самого Чжан Ли.

Перехватив Ин Чжэна одной рукой, Цзычу мертвой хваткой вцепился в запястье Чжан Ли и с силой увлек его за собой. Одним отчаянным рывком они перемахнули через борт повозки и рухнули прямоком в ревущую темную бездну Хуанхэ.

В воздухе ткань его парадного одеяния зацепилась за край борта; раздался оглушительный треск рвущегося шелка, который, впрочем, смягчил падение. Одной рукой удерживая младенца над водой, Цзычу отчаянно забился в речном потоке, стараясь освободиться от намокших, тяжелых одежд. Он брыкался и рвал путавшиеся широкие рукава, пока наконец не сбросил их полностью.

«Какое счастье, что в университете меня заставляли ходить на физкультуру!»

Чтобы избежать лишней мороки с нормативами, он каждый семестр записывался исключительно в бассейн. Суровые пинки физруков не прошли даром — плавать его все-таки научили. Пусть он и не стал мастером спорта, но сейчас, яростно работая ногами, ему удавалось удерживать голову над бушующей водой.

Ранней весной Хуанхэ несла в себе ледяной холод растаявших ледников. Цзычу почти сразу перестал чувствовать конечности, но упрямо продолжал держать Ин Чжэна над водой, оберегая сухой сверток.

Чувствуя, как младенец беспокойно ворочается, Цзычу посиневшими от холода губами прошептал:

— А-Чжэн... хороший мой, не шевелись. Пожалуйста. Я... я едва держу тебя. Не упали в воду... она ледяная, ты же заболеешь...

Ин Чжэн мгновенно замер, прекратив любые попытки вырваться.

За сорок лет на троне он научился не верить никому. Но этот человек... Этот никчемный Цинь Цзычу готов был сам замерзнуть насмерть, лишь бы спасти его. Кем бы ни был этот мнимый отец, такой долг жизни император обязан признать.

«Что ж, один раз можно и довериться».

Цзычу из последних сил греб к противоположному берегу, но мощный поток безжалостно уносил его вниз по течению. Вода кружила его в водоворотах, лишая всяких ориентиров. Скоро он окончательно перестал понимать, где суша. Он не смел даже позвать Чжан Ли — любой крик выдал бы его местоположение кровожадному Лунъяну, караулившему на берегу с луком наготове.

Время потеряло значение. Окоченевший Цзычу медленно проваливался в беспамятство, но упрямо, точно бредящий, продолжал шептать синеющими губами:

— Все хорошо, А-Чжэн... мы почти добрались. Не бойся, маленький. Папа с тобой. Тебе нечего бояться...

Вскоре ноги окончательно отказали. Судорожно вытянув окоченевшие руки со свертком вверх, он безвольно отдался на волю течения. Тьма поглотила его разум.

Чжан Ли плавать не умел вовсе. Тяжелые мокрые одежды камнем тянули его на дно, но чья-то хватка упорно держала его за шиворот, не давая захлебнуться. Он то уходил под воду, то судорожно хватал ртом воздух, окончательно потеряв счет времени. Холод и бесконечное вращение в мутной воде лишили его последних сил.

Постепенно неведомые спасители окружили его со всех сторон. Сквозь намокшую ткань проступило живое, надежное тепло чужих тел. Немного придя в себя, Чжан Ли слабо повел рукой и нащупал жесткую, мокрую шерсть.

— Славные лошадки... — хрипло выдохнул он. — Если бы не вы, кормить бы мне рыб на дне Хуанхэ.

Кое-как обхватив шею верного скакуна, он из последних сил вскарабкался на его спину.

— Пожалуйста... найдите молодого господина, — без особой надежды взмолился он.

Кони тихо, согласно фыркнули. Вожак мягко ткнулся мокрыми ноздрями в щеку книжника и, развернувшись, уверенно поплыл против течения. Чжан Ли иступленно вглядывался в речную гладь, но черные грозовые тучи скрыли даже намек на лунный свет — вокруг расстился кромешный мрак.

Тем временем на берегу, едва Цзычу и его спутник исчезли в бурных водах, к переправе галопом примчался отряд генерала Синьюаня Яня и господина Шаоюаня.

Увидев перевернутый паром и сиротливо качающуюся на волнах повозку без упряжи, Синьюань Янь решил, что Цинь Цзычу настигла стрела господина Луньяна. Генерал, не помня себя от гнева и ужаса, набросился на лучника:

— Да как у тебя ума хватило на такое безрассудство?! Наследник циньского престола едва

объявил Ижэня своим законным сыном! Сам правитель Царства Цинь вел переговоры с Царством Чжао об его возвращении! Из-за своей упрямой спеси ты лишил его жизни! Ты понимаешь, что теперь Цинь сотрет Царство Вэй с лица земли?!

При этих словах господин Лунъян вспомнил строгие наказания своего повелителя, и лицо его мгновенно утратило всякую краску. Однако гордость не позволила ему признать вину. Он упрямо вскинул подбородок:

— Подумаешь, велика беда! Если Царство Вэй и Царство Чжао объединятся, циньским псам мало не покажется!

Синьюань Янь лишь тяжело, обреченно вздохнул. Он осторожно покосился на стоявшего поодаль молчаливого господина Шаоюаня. Спорить с фаворитом правителя было бесполезно, но про себя генерал горько усмехнулся.

«Глупец. Даже могущественное царство Ци предпочитает не злить циньского тигра, откупаясь мирными договорами. А куда лезет наше крошечное Царство Вэй?»

«Дело дрянь. Нужно немедленно отправить гонца к государю с подробным отчетом. Пусть принимает меры, пока не поздно».

<http://bllate.org/book/18277/1750300>